

Про серебряное блюдечко и наливное яблочко — эпизод 1 из 2

У мужика с женой было три дочери: Две -- нарядницы, затейницы, а третья -- простоватая; и зовут ее сестры, а за ними и отец с матерью -- дурочкой.

Дурочку везде толкают, во все помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на все готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уток кормит. Кто что ни спросит -- все дура приносит: "Дура, поди! За всем, дура, гляди!"

Едет мужик с сеном на ярмарку, обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит: "Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан". Другая дочь просит: "Купи мне алой китайки". А дура молчит да глядит. Хоть дура, да дочь; жаль отцу: -- и ее спросил: "Чего тебе, дура, купить?" Дура усмехнулась и говорит: "Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко". "Да на что тебе?" -- спрашивают сестры. "Стану я катать яблочком по блюдечку, да слова приговаривать, которым научила меня прохожая старушка за то, что я ей калач подала". Мужик обещал и поехал.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуру серебряное блюдечко да наливное яблочко; вернулся домой и показывает. Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу, приговаривает:

-- Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки на полях, и гор высота, и небес красота. Солнышко за солнышко катится, звезды в хоровод собираются... Так все красиво, на диво, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Загляделись сестры, а самих зависть берет: как бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не променяет.

Злые сестры похаживают, зовут-подговаривают: "Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдем, землянички наберем". Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сестрами бродит, ягоды собирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сестры заступ схватили, дурочку убили, под березкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят: "Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, ее не нашли: видно, волки съели!" Жалко отцу: хоть дура, да дочь! Плачет мужик по дочери; взял он

блюдечко и яблочко, положил в ларец и замкнул; а сестры-то слезами обливаются.

Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идет по лесу овечку отыскивать. Видит он бугорок под березкой в стороне, а на нем вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, а дудочка сама поет-выговаривает.

"Играй-играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со света сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко!" Люди услышали, сбежались, вся деревня за пастухом идет, пристают к пастуху, выпрашивают: кого загубили? От расспросов отбою нет. "Люди добрые! -- говорит пастух. -- Ничего я не ведаю. Искал я в лесу овечку и увидел бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку -- сама дудочка играет, выговаривает". Случился тут отец дурочки, слышит слова пастуха, схватил дудочку, а дудочка сама поет:

"Играй-играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со света сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко".

"Веди нас, пастух, -- говорит отец, -- туда, где срезал ты тростинку". Пошел за пастухом он в лесок, на бугорок, и дивится на цветы, алые, лазоревые.

Вот начали разрывать бугорок и мертвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал -- лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают: кто убил-загубил ее? А дудочка сама играет-выговаривает:

"Свет мой батюшка родимый, меня сестры в лес зазвали, меня, бедную, загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского..." Две сестры-завистницы затряслись, побледнели -- а душа как в огне -- и признались в вине; их схватили, связали, в темный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.